

За три остановки от тьмы

О книге: Игорь Караулов. Моя сторона истории. – М., 2023. – 60 с.

Поэзис в переводе с греческого обозначает действие. А действие не может быть неопределенным, так как у него всегда есть последствия. То есть, реакция. И не только благодарных сетевых читателей на новую книгу стихов любимого поэта (а это наименование к Игорю Караулову можно применить полностью), не только сетевая ненависть, выраженная в разных, порой причудливых, формах, не только люди, пришедшие лично слушать поэта. Все это тоже последствия, но второстепенные.

Первостепенное последствие это изменение самого поэта. Для этого не обязательно начать писать в другой стилистике или на другие темы. Эта перемена заметна в стихах как пульсация в прозрачном яйце.

Что есть в «Моей стороне истории», чего любящий читатель не видел в поэзии Игоря Караулова до этой книги? Здесь есть и герои обожаемых мультиков (упоминается песенка Крокодила Гены), и космические существа, и разметающаяся в тревожном сне провинция. Эта книга без убытка показывает по-карауловски насыщенную и даже перенасыщенную образность, этот его особенный супрематизм поэтических тропов.

В «Моей стороне истории» есть и верлибры, не бледнее тех, которыми наслаждались читатели лет пять-семь назад. Есть короткие, в духе школьной классики, строчки стройных стихотворений, напоминающие заунывные песни (русские). Есть прихотливые, сжатые в манере лучших переводов английской поэзии строфы. Тут есть весь поэтический Игорь Караулов. Но это новый Караулов. Он смотрится в зеркало, по которому уже пошла паутина. Не то от адской вибрации (ад у Караулова всегда конкретен, как и рай). Не то от бомбардировки (что исключать нельзя). В потемневшем от пыли копти стекле виден франтоватый мужчина с лицом дегустатора. То просекко, то розе, то односолодовый виски, то пиво, то кофе. Но откуда копать, если зеркало висит в модном ресторане, типа «Дача на Покровке». Хотя что такое для Караулова 2014 года была «Дача на Покровке». Среди званых и избранных ходит «депутат Евгений Бунимович». В зеркале – старый Караулов, который протягивает новому Караулову сосуд: мол, пора.

Новый Караулов не торопится принимать сосуд. Он сыплет топонимами и строчками скупых сводок: убили, погибли. Он почти боится себя. Он

различает в себе то укропа, убитого ни за каплю мочи, то соединяется со множеством людей зет, идущих в атаку. Он и заявляет о себе, как о человеке поколения зет. И Христос, сосредоточение жизни, у него тоже Зет и чем-то напоминает безногого бойца. Это самоопределение сопровождается болью и разлуками. Прежние привычки и знакомые оказались как бы отраженными в треснувшем зеркале. Они осыпаются как амальгама.

Стихи в книге «Моя сторона истории», на первый взгляд, созданы для громкого чтения – это слова глашатая. И в книге найдется немало стихотворений, выписанных ярко, выпукло, почти лубочно, с на редкость точным соблюдением баланса тропов, для более ясного и четкого восприятия. Образы мощны и бьют в лоб («Голливуд, пустой холодный кинозал»). Но на самом деле вся книга это нечто вроде проборматывания прошлой жизни перед генеральной исповедью. Исповедь это и есть победа. Исповедь это покаяние, а покаяние это перемена. А перемена это и есть победа. И новый поэт ждет свидания с ней. Стихотворение об ожидании свидания стоит последним в книге: «На улице прохладно...». Это великолепный финал всей книги.

«Моя сторона истории» делится на две части, что тоже символично: «Эти восемь лет» и «После 24. 02. 2022». Вторая часть по объему больше и по настроению драматичнее.

Я бы с удовольствием развила идею поэтического супрематизма в отношении стихов Игоря Караулова, благо книга вышла в знаменательной пространственно-временной точке. В Москве, наконец, открыли БКЛ, и Сокольники, для меня станция важнейшая, оформлена, как говорит нам цифровой гид «в стиле супрематизм».

«Персефона нисходит туда,
где жужжит вагонетки пчела
и чугунное сердце труда
раскалилось, как меч, добела.
На дорожку присядь, не спеши.
Серебристым платком помаше
перед тем, как спуститься в забой.
Будет время, из чрева земли
Персефона вернётся назад.
Разговоры, что с нею вели,
наши внуки договорят.»

«Персефона спускается в ад».

Персефона у Караулова в джинсах. Персефона-хиппи? Вероятно. Бритый хипарь, среди прочих собеседников, чем-то напоминает Харона. «Вагонетки пчела» так и видится небольшим квадратиком (троп-квадратик) рядом с огромным натуралистичным и фактурным изображением «чугунного сердца труда». И это супрематизм. Если посмотреть на разломы-молнии, возникающие из пробелов между словами, стихотворения Игоря Караулова напомнят полотна Малевича. Или фотографии Родченко.

Но меня при чтении книги (повторю, она великолепна) зацепило иррациональное сходство «Моей стороны истории» с бывшей некогда поэтическим бестселлером книжкой Федора Сваровского «Все хотят быть роботами». В обеих книгах есть темы жизни после жизни: техногенной после биологической. В обеих льется мелодия экзистенциального одиночества личности, техногенная она или биологическая. Обе книги по сути о любви, как о чем-то необходимом, но очень зыбком, как лекарство. Не зря рай у Игоря Караулова напоминает больницу.

Федору Сваровскому тогда, во многообещающие нулевые, когда халтура могла стоять как шедевр, не хватило дыхания. Кстати, о халтуре. Бывают времена, когда халтуру можно продать дорого, но у каждого времени свой торговый знак. В нулевые это была боль. Торговали болью: в стихах и прозе. Сваровский взял отличный разгон: выкопал этих роботов из доступных источников (интернет уже был), создал внутри них драму техногенного и биологического, подставил шею под ярмо трансгуманизма (которому тогда было около ста лет) и приготовился везти все это. Но не смог, и книга вышла вяловатой для заявленных в ней идей. Впрочем, ей сделали хороший прием.

У Караулова все наоборот. Его бормотание под нос звучит как сигнал воздушной тревоги. Стихотворения «Моей стороны истории» можно обвинить в плакатности (супрематизм), в чрезмерной рефлексии (поэт всегда декадент), но в вялости их обвинить нельзя. Книга получилась как оружие, с оптическим прицелом. При этом соль новейшей поэзии, пусть даже это прошедший недружественную мясорубку журнал «Воздух», здесь есть.

Итого: действие и его последствия в наличии, что и требовалось. При чтении «Моей стороны истории» у меня было чувство, что некий умозрительный поплавок перевернулся на сто восемьдесят градусов.

Но при всем моем восхищении – книга с макабризмом. И Пан в саду «Аквариум» – стихотворение, вероятно, заставившее Ходасевича отойти от рокового окна, и упомянутая Персефона, и ангел-водитель, погибший под Лисичанском, находятся «в трех остановках от тьмы». Пока еще

ничего не решено, пока еще последствий не видно, хотя процесс идет.

«Я могу стать твоим на минутку
и смертельно тебе надоесть.
Я могу неуклюжую шутку
превратить в долгожданную весть.
Я могу истребить свою самость,
превратиться в тягучее „мы“.
Мне не так уж и много осталось,
я за три остановки от тьмы.
Я пройду не спеша, пешкодралом
эти три небольших рубежа.»

«Я могу стать твоим на минутку»

Рубежи, границы, круги Данте в книге всюду. Как на землях нового нашего мира.

Примечание:

Наталия Черных родилась на Южном Урале, училась во Львове (1985–1986), с 1987 года живёт в Москве. Работала библиотекарем в Литературном институте имени А. М. Горького, переводчиком, рецензентом в издательстве АСТ и т. д. С 2005 года – куратор интернет-проекта «На Середине Мира», посвящённого современной русской поэзии. На 2023 год издано 12 книг стихотворений, три романа, лауреат нескольких премий.